

М. Ф. Шумейко

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ОБЪЕКТА ПУБЛИКАЦИИ В АРХЕОГРАФИИ

Вненаучное влияние (политическое, идеологическое и др.), в течение многих лет оказываемое на археографа и определявшего выбор объектов публикации, привело к тому, что вопрос «что следует публиковать?» решался не на научной основе, а ответ на него не всегда зависел от историков, археографов, архивистов. Хотя, справедливости ради, отметим, что и значительная конформистски настроенная часть последних целиком разделяла и поддерживала установки, задаваемые документальным публикациям господствовавшей идеологией.

«В использовании документальных материалов, — утверждал, например, белорусский археограф Е. Ф. Шорохов, — недопустимы конъюнктурщина, подтасовка фактов в угоду так называемой необходимости и целесообразности, перенесение на прошлое оценок сегодняшнего дня. В то же время нельзя под маркой “правды-матки”, под маркой “объективности” тащить на свет каждый факт из прошлого нашего государства, который мог бы очернить его историю» (выделено мною. — М. Ш.)¹.

Однако было бы некорректным утверждать, что политизация и идеологизация археографии, проявляющиеся в заданности, тенденциозности отбора источников для публикации, присущи только советскому времени. Анализ документальных изданий XIX — начала XX в. свидетельствует о том, что этим же болезням были подвержены и они. Достаточно, например, обратиться к «Актам Виленской археографической комиссии», чтобы убедиться в этом: в них, как правило, превалируют документы, доказывающие преобладание в средние века православия на белорусских землях, показывающие притеснения православных со стороны католиков, выясняющие «русское» происхождение древнейших магнатских родов в Великом княжестве Литовском и т. п.

После 1917 г. тенденциозность при отборе источников приобретает другой характер: начинают широко публиковаться документы правящей партии, ее лидеров, искусно отобранные и искусно подобранные. «В них, — отмечает современный российский исследователь, — содержится только то, что партийное руководство считало нужным предавать гласности»².

Известно, например, что незадолго до августа 1991 г. к заместителю генерального секретаря ЦК КПСС В. А. Ивашко обратился директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академик Г. Л. Смирнов. Он указывал, что среди документов, относившихся к конкретной политической деятельности В. И. Ленина как руководителя государства, имеются такие, публикация которых вызвала бы весьма неоднозначную реакцию. Речь шла о документах, свидетельствовавших о фактическом поощрении лидером российских большевиков насильственных действий против суверенных государств (в частности, против Эстонии и Латвии), раскрытии тайных методов работы государственных организаций Советской России по отношению к иностранным подданным (содержание их в концлагерях, организация слежки за прибывавшими в СССР иностранцами и т. п.). Приведя эти и ряд аналогичных примеров, содержащихся в документах Ленина, руководитель историко-партийного института делал следующий вывод: «Документы подобного рода публиковать в настоящее время представляется нецелесообразным»³.

По причине политического характера в течение более полувека советской стороной отрицалось существование секретного дополнительного протокола к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г., документов о «катынской трагедии» и т. п. Известно, что в Советском Союзе протокол впервые увидел свет в 1990 г. во втором томе изданного под грифом МИД СССР сборника «Год кризиса. 1938—1939 гг.».

В обращении «К читателю» вышедшего в 1997 г. документального сборника «Катынь. Пленники необъявленной войны» академик РАН А. Н. Яковлев писал об уникальной судьбе

документов, касавшихся расстрела 22 тыс. поляков в СССР. По его свидетельству последнее «первое лицо» СССР М. С. Горбачев, у которого хранились катынские документы, упорно отрицал факт их наличия. Лишь после своей отставки в декабре 1991 г. он передал бумаги президенту России Б. Н. Ельцину, оговорив при этом, что здесь «могут возникнуть международные осложнения».

Сравнительный анализ дипломатических документов, опубликованных в двухтомном сборнике «Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939 гг.» (М.: МИД СССР, 1981), с одной стороны, книге «Аль-

тернативы 1939 года» (М.: Изд. АПН, 1989), с другой, дают обильную пищу для размышлений относительно критериев выбора объекта публикации, которыми руководствовались советские археографы в период «развитого социализма».

Подобный анализ может быть продолжен и на примере так называемых «общесоюзных серий», документально обеспечивавших исследование «искусственно сконструированного «ленинского плана» построения социализма в СССР». Так, в серии «История индустриализация в СССР» основной упор делался на поиске достижений индустриализации (нельзя не признать, что они имели место); ее составители не могли дать объективной информации об источниках направления средств на индустриализацию, о подлинных показателях выполнения (вернее невыполнения) планов и т. д. Вполне понятно, что в томах этой серии не публиковались документы о роли ГУЛАГа в строительстве промышленных объектов и т. п.

В серии «История коллективизация в СССР» также с величайшей тщательностью собирались свидетельства всего позитивного в кооперативно-колхозном строительстве конца 1920-х — начала 1930-х гг. и почти совершенно игнорировались документы о фактах насильственного объединения крестьянства в колхозы, о их противодействии коллективизации.

Помимо воздействия господствующей в стране во время подготовки документальных изданий идеологии на выбор объектов публикации, состав публикуемых документов может быть обусловлен и субъективными представлениями публикатора о ценности тех или иных документов или целых групп.

Учитывая эти обстоятельства, не может ни возникнуть мысли о необходимости выработки специальных научных критериев, применяя которые возможно определить круг документов, заслуживающих обязательной (первоочередной) публикации. Эти критерии должны, на наш взгляд, базироваться не только на общих принципах, применяемых в исторической науке (историзм, объективность, всесторонность, комплексность), но и находиться в сфере тех специальных источниковедческих дисциплин, с которыми наиболее тесно взаимодействует археография (историография, архивоведение, источниковедение). На данное обстоятельство наталкивает и целевое назначение археографических публикаций, призванных снабжать науку новыми документами, которые в свою очередь будут служить источниками для историков-исследователей, занимающихся изучением преимущественно конкретных исторических сюжетов. При этом публикация должна быть не только источниковедчески полноценной (а это достигается достаточным

уровнем источниковедческой критики при ее подготовке), но и обеспечивать источниковедческую полноту информативности и самоценность каждого документа в качестве исторического источника.

Выработка критериев для определения объектов публикации в археографии должна быть подчинена главной задаче, которую ставит перед собой археограф, а именно: как добиться того, чтобы выбранные для публикации документы принесли науке больше пользы, чем иные, чтобы они способствовали объективному познанию исторического прошлого.

С учетом сказанного выше можно выделить три основных фактора, применение которых в совокупности будет способствовать решению вопроса о выборе объекта публикации.

Первый из них находится в сфере историографии. Анализируя состояние и уровень развития исторической науки в целом, отдельных ее направлений в частности, археограф определяет те наиболее актуальные или приоритетные сферы исторических исследований, которые разрабатываются в настоящий момент и нуждаются в «документальном обеспечении».

Историографический фактор, таким образом, выступает для публикатора в качестве своеобразной логии, указывающей наиболее активно используемый историками фарватер движения. Отсутствие или недостаточность археографических публикаций нередко выступали в качестве одной из основных причин отставания в тех или иных направлениях исторических исследований. Одинаково нежелательным является и опережение практической археографией историографии.

Отсюда вполне оправданно в историографию белорусской (как, впрочем, и российской, украинской и др.) археографии включаются работы и историографического характера, в которых, наряду с анализом основных направлений исторических исследований, содержится и характеристика документальных изданий, послуживших основой для подготовки этих исследований⁴. То же самое можно сказать и применительно к историографическим обзорам состояния исторической науки в Беларуси, регулярно публиковавшимся в недавнем прошлом.

Архивоведческий фактор предусматривает учет специальных архивных характеристик документов, которые могут претендовать на опубликование. Здесь прежде всего следует иметь в виду полноту или точнее — репрезентативность (представительность) документов архивного фонда по отношению к материалам, созданным в делопроизводстве данного учреждения — фондообразователя. И если вследствие некачественно проведенного архивистами отбора документов на постоянное хранение или по каким-либо иным

причинам (например, из-за физического уничтожения части документов и пр.) их совокупность в архивном фонде не дает представления об основных направлениях работы фондообразователя, не содержит важнейших материалов, которые в дальнейшем могли бы быть использованы в качестве исторических источников, археограф должен поставить под сомнение целесообразность публикации таких документов. Важным здесь представляется также и учет физического состояния потенциального объекта публикации. Находящиеся под угрозой физического уничтожения документы (вследствие угасания текстов, прогрессирующего процесса старения и разрушения носителя и т. д.) должны публиковаться в первую очередь, конечно, с учетом их значимости: случайно попавшие в архив и сохраняющиеся там «третьесортные» документы, хотя бы и подвергающиеся разрушению, не могут претендовать не только на первоочередную, но и вообще на любую публикацию.

Источниковедческий фактор проявляется в том, что археограф должен попытаться определить источниковедческий потенциал документов, претендующих на публикацию, установить их информационную ценность сегодня и через некоторое время. И здесь археограф, как, впрочем, и архивист, выступает в роли футуролога: от того, что они отберут к опубликованию (первый) или к постоянному хранению (второй), будет зависеть полноценность археографической или источниковой базы для будущих исторических исследований.

Заслуживает внимания предложение известного российского историка, археографа, профессора Московского историко-архивного института А. Д. Степанского согласовывать публикацию источников с изданием справочников по составу и содержанию архивных документов и подготовкой научных исследований в процессе выработки тактики археографического освоения документальных комплексов, ранее неведомых не только публикатору, но и исследователю⁵. Союз археографа, архивиста и историка, таким образом, является залогом успешного выбора археографической политики. Что же касается ее последующей реализации — то это дело не отдельных, автономно работающих научных и архивных учреждений, но труд в кооперации, труд, координируемый и направляемый специальным археографическим центром (комиссией, советом, институтом и т. п.).

К сожалению, начатая в республике в 1960—70-е гг. работа по кооперации и координации археографической деятельности через издание Главархивом выпусков «Тематики исследований, ведущихся в госархивах Белоруссии», путеводителей и справочников по документам архивов в дальней-

шем не получила продолжения, что не могло не отразиться на состоянии практической археографии в последующий период. Попытки решения этих же вопросов организационным путем

(т. е. через создание археографической комиссии, научного совета по публикации документов и т. п.) также оказались малоэффективными.

Существуют и другие, сугубо археографические критерии. К ним следует отнести учет качества предыдущих публикаций, если таковые, разумеется, были, соотношение опубликованных и неопубликованных материалов и т. п. И все-таки главное, что лежит в основе выбора объекта публикации, — это ценностный фактор документа (или целого комплекса документов), предполагаемого к опубликованию. Именно с учетом этого фактора решается вопрос о включении или не включении источника в публикацию.

Но поскольку понятие о ценности документа различно у разных археографов, ценностный фактор дает возможность обоснования целесообразности и необходимости публикации любых документов. Там, где выбор объекта публикации не ограничен его видовыми рамками или местом хранения, более всего возможен произвол публикатора, вынужденного руководствоваться только ценностным фактором. Нетрудно заметить в этой связи, что наиболее уязвимыми с точки зрения проявления субъективизма в выборе объекта публикации являются тематические издания, предполагающие включение в них документов различных видов, хранящихся в разных местах, но объединенных одной темой. Именно они представляют собой наибольшую по объему часть археографической продукции, когда-либо изданной в Беларуси (подобная картина, кстати говоря, характерна и для других стран).

Как известно, в археографии существуют классификации документальных публикаций, обусловленные как их целевым назначением, так и характером документов, в них включенных. Наиболее распространенными являются классификации документальных публикаций по типам и видам. Первая исходит из деления публикаций по их целевому назначению и предполагает издания научного, научно-популярного (популярного) и учебного типов. Вторая учитывает содержание документов, включенных в публикацию, их происхождение, вид (разновидность), место хранения и др. С учетом этих факторов публикации подразделяются на тематические, пофондовые, издания документов одного вида или одного лица⁶. Нетрудно заметить, что в основе данной классификации лежит один или несколько внешних признаков, связанных с происхождением или содержанием документов.

Так, тематические публикации могут включать в себя самые разнородные виды документов, находящиеся в различных местах хранения и связан-

ные своим происхождением с различными учреждениями, организациями, лицами. Объединяющим началом в таких публикациях, как мы уже отмечали, выступает тема.

Попондовые публикации определяются местом хранения документов: в них должны быть включены все без исключения документы одного фонда (или его разновидности), нескольких фондов или части фонда.

Публикации документов одного вида или одного лица объединяет общность видов источников или их создателей.

Уже из этой краткой характеристики встречающихся в археографии классификаций документальных изданий явствует, насколько сложным и подверженным различным влияниям (субъективного, политического, идеологического, межконфессионального и другого характера) представляется отбор документов для тематических изданий в отличие от пофондовых и даже видовых.

Среди археографов существуют различные точки зрения относительно того, какие документальные издания лучше других способны преодолеть большую массу документов, претендующих на опубликование, сохраняя при этом источниковедческую полноценность публикаций и предоставляя в распоряжение исследователей всесторонний и комплексный корпус исторических источников. Одни видят выход в издании тематических сборников документов, поскольку именно они, по их мнению, более других соответствуют удовлетворению запросов исследователей, в большинстве своем работающих по конкретным темам. Залогом успеха таких изданий считается правильно выбранная актуальная тема⁷.

Их оппоненты считают, что в основе выбора объекта публикаций таких изданий лежит лишь один из трех факторов, а именно — историографический, который почти всегда находился и находится под сильным вненаучным влиянием (политическим, идеологическим и др.). Тематические сборники документов, по их мнению, имеют малое значение для науки. Им

противопоставляются издания, в которые включаются документы с учетом их внешнего признака, обусловленные местом хранения, видом, временем создания и т. п. В качестве примеров называются «Беларускі архіў» (Мн., 1928. Т. 2); «Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII—XVIII вв. Владение Сморгонь» (Мн., 1977); «Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII—XVIII вв. Владение Тимковичи» (Мн., 1982); «Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці» (Мн., 1975); «Белоруссия в эпоху феодализма» (Мн., 1959—1979. Т. 1—4); «Белоруссия в эпоху капитализма» (Мн., 1983, 1990. Т. 1, 2) и др. (Заметим, правда, что два последних серийных издания

могут рассматриваться и в качестве тематических.) Однако сборники такого рода составляют лишь небольшую часть археографической продукции в Беларуси.

Готовя любое издание — тематическое, пофондовое, видовое археограф сталкивается с необходимостью решения проблемы выбора и отбора для него документов. Однако степень ее остроты применительно к разным изданиям неодинакова. В первом, где объединяющим началом выступает тема, отбор происходит на уровне каждого документа. В зависимости от его содержания (имеет отношение к теме или не имеет) решается вопрос о включении или невключении документа в тематическую публикацию.

По этому поводу С. Н. Валк в свое время писал: «Кто хоть раз имел дело с подбором документов для такой цели, тот знает, сколько тревог и колебаний переживает каждый составитель, так как, не в пример первому типу сборников, где вопрос о подборе решается сразу в отношении целой группы документов (речь шла о пофондовых и видовых изданиях. — М. Ш.), теперь каждый отдельный документ заявляет свои притязания на право быть помещенным в сборник, и выбор документов должен быть сделан индивидуально, применительно к оценке значения каждого документа. Все, сказанное выше, показывает, как ответственна и сложна работа по подготовке такого рода сборника. Всякая малейшая методологическая ошибка, всякая малейшая неправильность в понимании исторического характера темы отразится на подборе документов»⁸.

Проявление субъективизма составителей при формировании тематических изданий не исключалось прежде, когда главной задачей отбора документов, исходя из принципа коммунистической партийности, являлось определить «идейное содержание и направленность любой публикации»⁹, не исключается оно и сегодня, когда указанный выше принцип канул в Лету, уступив место другим, еще более политизированным и идеологизированным принципам.

В пофондовых и видовых изданиях, где выбор объекта публикации не связан с темой, содержание документа не влияет на решение вопроса о том, включать или не включать его в публикацию. Этим гарантируется исключение проявления субъективизма при оценке документа, а также достигается возможность использования пофондовых и видовых публикаций при разработке значительного количества исследований.

Однако это не свидетельствует о том, что данные издания лишены недостатков. К числу последних, на наш взгляд, следует отнести издержки финансового характера, сопутствующие процессу подготовки пофондовых или

видовых изданий: призванные включать все без исключения документы фонда или источники одной разновидности, такие публикации значительно разрастаются в объеме, что требует увеличения расходов на их издание. А поскольку, как мы уже отмечали, в современной археографической практике вопрос «на что публиковать?» все чаще берет верх над вопросом «что публиковать?», выбор объекта публикации нередко зависит от финансовых возможностей организаций и учреждений, заказывающих археографам подготовку документальных изданий.

Нельзя также не учитывать и качества научной обработки многих архивных фондов, документы которых предполагаются к опубликованию. Наличие в них дублетных, а также второстепенных материалов неизбежно ставит перед археографом вопрос о необходимости селекции документов (хотя, разумеется, и не с той степенью остроты, как это имеет место при подготовке тематических изданий). Наконец, степень сохранности документов фонда также порождает проблему выбора источников.

В то же время эти и другие подобные проблемы, связанные с выбором объекта публикации в пофондовых и видовых изданиях, несравнимы с аналогичными проблемами, возникающими при подготовке тематических изданий.

Все, сказанное выше, вовсе не говорит за то, что следует полностью отказаться от подготовки тематических изданий и переключиться на пофондовые и видовые. Это нецелесообразно делать как по причине уже существующего значительного количества таких изданий, так и вследствие невозможности готовить исключительно пофондовые и видовые издания по причинам финансового характера.

Сборники документов тематического характера окажутся полезными для исторической (как, впрочем, и для любой другой) науки в том случае, если каждый документ в них будет публиковаться с учетом всех археографических установок, выработанных в процессе многолетней практической деятельности по изданию документов и в большинстве своем зафиксированных в правилах, методических рекомендациях, памятках, инструкциях, а также вошедших в «культуру археографического обычая».

Проблема выбора объекта публикации предусматривает рациональное «преодоление» массы документальных богатств, хранящихся в отечественных архивах, рукописных отделах библиотек, музеев, частных собраниях. Что же касается пофондовых и видовых изданий, то их подготовка еще долгое время будет позволительна исключительно для наиболее древних, а потому малочисленных исторических источников, а также отдельных комп-

лексов документов новейшего времени, создававшихся, например, в экстремальных условиях или относящихся к важным политическим событиям.

1. Шорохов Е. Ф. Использование документальных материалов в идеологической работе // В кн.: Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР. Минск, 1971. С. 45.

2. Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. С. 397.

3. Подробнее об этом см.: Исторический архив. 1992. № 1.

4. Вопросы археографии в БССР (Материалы Научной конференции архивных учреждений республики). Минск, 1980. С. 63—79.

5. См.: Степанский А. Д. Археографическая база и археографический фонд исторической науки // Советские архивы. 1991. № 1. С. 41—44.

6. Эта классификация зафиксирована в двух редакциях «Правил издания исторических источников в СССР» (М., 1969. С. 8; М., 1990. С. 11). Несмотря на попытки некоторых современных историков археографии подвергнуть ее ревизии, мы не склонны разделять их точку зрения на этот счет. (См.: Козлов В. П. Теоретические основы археографии с позиций современности // В кн.: Теоретические основы археографии с позиций современности. Материалы дискуссии. М., 2004.)

7. См.: Селезнев М. С. Теория и методика советской археографии. М., 1974. С. 41—44.

8. Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 83.

9. Селезнев М. С. Предмет и вопросы методологии советской археографии. М., 1959. С. 29.